

Вотъ такая была его точка зрѣнія на цензуру проповѣдей:

Я, говорилъ онъ, признаю вполне свободу каждого священника безъ всякой цензуры, экспромptomъ или посредствомъ импровизаціи поучать вѣрующихъ, говорить проповѣди въ церкви, въ собраніяхъ, въ домахъ и т. под. Но нахожу необходимымъ внимательную цензуру для словъ, которыя предназначаются къ произнесенію въ Знаменскомъ соборѣ, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и вообще при условіяхъ особенныхъ. Въ такихъ случаяхъ нужно имѣть величайшую осмотрительность не только по отношенію къ содержанію и изложенію слова, но и по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ. Ну, посуди самъ (это было обращеніе ко мнѣ), можно ли въ такихъ случаяхъ допустить неполнѣ литературное изложеніе, скороговорный слогъ, неточность въ текстахъ и чѣмъ—нибудь подобнымъ подать поводъ къ нареканіямъ?

Покойный приводилъ много неудачныхъ выраженій, которыя ему приходилось выпускать, сглаживать или измѣнять. Въ одной изъ проповѣдей онъ нашелъ, напр., такое выраженіе *) „ангела, который возмущалъ въ овчей купели воду, теперь не существуетъ,“ въ другой: „Богъ воплотился въ природѣ“, въ третьей подробно указывалось развитіе пороковъ въ Курскѣ вслѣдствіе размноженія (въ то время) кафешантанныхъ представленій, въ четвертой—тексты, искаженные проповѣдникомъ и т. под. Вообще большую отвѣтственность приписывалъ проповѣдникамъ именно въ Каѳедральномъ Архіерейскомъ соборѣ. Съ этой точки зрѣнія разсматривалъ онъ слова и поученія.

Не разъ мой родитель дѣлалъ сравненіе между духовенствомъ прежняго времени (двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ) и новѣйшимъ (семидесятыхъ, восьмидеся-

*) Приводимыя нами выраженія относятся къ проповѣдямъ, написаннымъ 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ.